

Советская Love Story

Олег Видов и Комаки Курихара: randevу 30 лет спустя

О. Видов и К. Курихара

Когда это было... В мелодраме "Москва, любовь моя" Олег Видов и Комаки Курихара снялись в роли влюбленных, которых разлучает смерть. Ну прямо как в американской Love Story. Пути актеров никак не пересекались все эти годы. Ну бывает и так. Разлучница – жизнь. И вот они вновь встретились. И вспомнилось все.

Ах, какой же это был трогательный и щемящий фильм! Даже по тем временам, когда искренний, без глумливости и иронии, лиризм еще не списали в утиль как пережиток советского прошлого. Когда можно было всю ночь напролет гулять по Москве, ничего не опасаясь, когда деревья были нечахлыми, а на эстраде царил не Филипп, а Муслим, то есть в пору нашей юности, которой прощаешь сегодня все плохое, а зато все хорошее высвечивается в памяти преувеличенно восторженно.

Нет, фильм "Москва, любовь моя" вовсе не был культовым и не стал таковым по прошествии лет. Более того, он считался тогда, в середине 70-х, несколько конъюнктурным и даже витринно-экспортным. Эдвард Радзинский вместе с японским соавтором написали историю романтической любви японской балерины и русского скульптора, своего рода "Варшавскую мелодию" для брежневского детанта. А что могло быть гуманней, без кавычек, чем юная девушка-японка, восторгающаяся русским балетом, приехав-

шая в Москву учиться в школе Самого Большого Театра, да еще, как выясняется к финалу, жертва последствий хиросимской ядерной бомбардировки. История эта была основана на реальной судьбе японской девушки и предложена для совместной постановки японской компанией "Тохо-Эйга".

Режиссер Александр Митта, один из самых ярких и пафосных шестидесятников, на волне дозированной вседозволенности решился освоить потенциально гремячую тему (сорежиссером с японской стороны был Кендзи Эсида). Почему гремячую? Потому что такой, казалось бы, безобидный сюжет в пору свирепой, несмотря на трескотню о разрядке, коммунистической цензуры, под палочным режимом кураторов-перестраховщиков из ЦК, – словно извилистая тропа на минном поле. Этого не говори, того не показывай. Все строго и напряженно.

Советский человек не мог жениться на иностранке – непатриотично. Но нельзя, чтобы она отказала советскому парню и предпочла японского – удар для сверхдержавного шовинизма. Куда ни кинь... Значит, сценаристам надо было ее красиво угодить. Что и было сделано недрогнувшим пером. И наконец, главная напряженка – как показать "идеологически правильную" любовь.

Об этом мне рассказывает ны-

нешний калифорнийский житель Олег Видов, сыгравший почти тридцать лет назад московского скульптора Володю, влюбленного в нежную японку Юрико. В 70-е Видов считался секс-символом советского кино, хотя такого выражения никто бы не додумался употребить. Тогдашними словами: вторичались, западали на него девицы всех возрастов и положений – от 12-летнего до балзаковского, от пэтэушниц до кагэбешниц. Белокудрый красавец, истинный ариец, простите, славянин с губами доброго короля-оленья, он имел бешеную популярность, несмотря на то что использовался кинематографом достаточно бездарно, преимущественно чисто фактурно. На социальные образы "просто советского человека" он как-то не подходил, слишком уж голливудский типаж, а в Голливуд на семилетний контракт к Дино Де Лаурентису его не пустили. Партийных держиморд напугал успех Видова в скандинавской киносаге "Красная мантия", где ему позволили сняться, чтобы он заработал валюту для другой советской копродукции.

Видов жалуется мне, что ему не давали на съемках ни обнять заморскую пассию, ни даже взглянуть на нее как надо, по-мужски. Митта вместе с актерами пытались выстраивать целомудренную линию взаимоотношений Володи и Юрико, где никаких вольностей не позволялось. Низзя! Получилась скорее платоническая, на кончиках пальцев, влюбленность. И действительно, полфильма они щебечут, как бумажные голубки, страсти в их общении не больше, чем в андроидах. А остальные полфильма скорабят по поводу лучевой болезни Юрико. Лишь в одном эпизоде скульптор обнимает возлюбленную, но обнимает "мотивированно" – как спасатель, вытащивший ее из воды, когда она с горя захотела утопиться. Земным чувством – ревности – авторы наделяют лишь один из "углов" любовного треугольника, а именно бывшего бойфренда Юрико, японского репортера, который тоскует по ней и шлет из Токио в Москву эмоциональные письма. И все равно чувственность любовного дуэта пус-

кала волны с экрана вопреки всем ханжеским препонам. Через пару лет напористый Сергей Соловьев пробил в "Мелодии белой ночи" пуританскую постельную сцену для Комаки и Юрия Соломина и поэтому величает себя "первым советским порнографом".

Сегодня Видов – и актер, и бизнесмен, и культуртрегер. Его новый приезд в Японию вместе с женой, американкой Джоан Борстен, был связан с их общим делом. Они реставрируют, "упаковывают" и продвигают российскую анимацию в Америке и во всем мире. (Не без скандала, заметим кратко, который связан с конфликтом по правам собственности. Но это отдельная история.) И конечно же, такое путешествие Олег не мог не использовать для встречи с Комаки Курихарой.

Видов позвонил ей. Та откликнулась сразу, с радостью. В Японии не принято звать домой. Комаки пригласила Олега в эксклюзивный ресторан, где еду подают очень маленькими порциями, одну за другой, много-много порций в традиционной японской манере. Уютная отдельная комната, где не слышно посторонних шумов. Все деликатно и уважительно. Официантки в киноно три часа уставляли стол разной вкуснятиной, красиво оформленной. Комаки была с мамой и братом, Олег – с женой. Замужем ли Комаки? Впрямую такие вопросы в Японии задавать неприлично, но похоже, что нет.

Комаки рассказала, что много работает в театре, снимается в кино. Закончила свой новый фильм буквально за несколько часов перед встречей с Видовым. За 30 лет актриса не изменилась. Звучит фантастично, но Видов уверяет, что это не формальный комплимент, и комментирует собственными стихами: "Друзья, мы не стареем ни на капельку, пусть седина, морщины пусть. Мы друг для друга вечной дружбы факелы, полноценный освещающие путь".

Комаки тепло вспоминала работу в России, где снималась еще в двух фильмах Александра Митты – "Экипаж" и "Шаг". Она немного говорит по-русски и по-английски, но глав-

ную переводческую работу взял на себя ее брат, знающий оба этих языка куда лучше сестры.

Три часа взволнованного общения, расспросов, погружения в прошлое. Церемонные расставания, неизбежные русские объятия, слеза, блеснувшая на щеке Комаки, обещания вновь встретиться. Мы ведь всегда их даем друг другу, твердим, как мантру, в надежде на милосердие судьбы.

Почему я решил рассказать об этом частном эпизоде? Потому что важно не только накапливать новые впечатления, но и анализировать старые. Я взял кассету "Москва, любовь моя" и внимательно пересмотрел. Оснований для снисходительной иронии, конечно, много (см. выше). А с другой стороны – чистота любовных отношений, манифестированная в фильме Митты, именно сегодня, неожиданно для многих, становится горячим товаром. Видимо, подустав от разнузданности "Американского пирога", тинейджеры объявляют невинность, целомудрие главной своей ценностью. Об этом говорят результаты недавних опросов американских подростков. И не только об Америке речь. Где-то полгода назад в Пекине прошла торжественная премьера ленты "Москва, любовь моя". Китайцев не смутил почтенный возраст фильма, для них он актуален и важен.

Актуален ли фильм для нынешнего российского сознания? Сомневаюсь. Если бы активно снимающий и сейчас Александр Митта сделал ремейк лав-стори японки и русского, то наверняка нашпиговал бы сюжет крутыми и пикантными наворотами. Сегодня кино иначе не продается.

Написав этот текст, я решил на всякий случай свериться с Интернетом. Вдруг что-нибудь интересное выужу? Набрал в поисковой системе словосочетание "Москва, любовь моя". И получил сайт, где предлагались услуги московских проституток. Как в эпохальной песне Боба Дилана: времена – они меняются.

Олег СУЛЬКИН
Нью-Йорк